

КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ В БИТВЕ НА РЕКЕ ЛЕЙТЕ:
«РУССКИЙ ЭПИЗОД» АВСТРИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Современные формы организации исторической науки, институализированной в виде национальных исторических школ, каждая из которых формирует собственный «историографический канон», накладывают отпечаток на направления и результаты исследований. Некоторые сюжеты оказываются «на стыке» историографических традиций и ускользают от внимания ученых. Одному из таких сюжетов, связывающему историю Древней Руси с историей средневековой Австрии, и посвящена эта статья.

Три столетия истории средневековой Австрии прошли под знаком династии Бабенбергов (976—1246 г.). В австрийской историографии этот период рассматривается как период становления государственной традиции Австрии. Важными вехами на этом пути стали возведение Австрии в ранг самостоятельного герцогства в 1156 г. (по *Privilegium minus* Фридриха Барбароссы, которая закрепила за Бабенбергами в случае отсутствия наследников мужского пола возможность наследования по женской линии) и переход под власть Бабенбергов герцогства Штирия в 1192 г.¹ Перефразируя известное выражение из «Повести временных лет», можно сказать, что Бабенберги «распасли землю Ракушьску и Штирьску» — превратили пограничную Восточную марку в консолидированное и процветающее герцогство, играющее важную роль в политической системе Священной Римской империи. К 40-м годам XIII в. относится проект превращения Австрии в наследственное королевство: проект получил поддержку императора Фридриха II Гогенштауфена, но в итоге так и не был реализован. Последний герцог из династии Бабенбергов, Фридрих II Воинственный, пал в битве с венграми на реке Лейте 15 июня 1246 г. Пресечение династии вызвало многолетнюю войну за «австрийское наследство» (1246—1278 г.), в которой активное участие приняли Империя, Венгрия, Чехия, Бавария и другие страны. Победителем в этой войне стал германский король Рудольф Габсбург, который передал наследственные права на Австрию и Штирию своим детям и тем самым заложил основу для последующего возвышения династии Габсбургов.

Внимание исследователей истории Древней Руси давно привлекает эпизод 1252—1253 г., связанный с вмешательством Даниила Галицкого в борьбу за австрийское наследство («о волость герьцикову убиенаго»²), когда сын Даниила, Роман, женился на Гертруде Бабенберг, племяннице Фридриха, и попытался с венгерской помощью овладеть Веной. Потерпев неудачу, Роман вернулся на Русь и впоследствии правил в Новогрудке, под рукой создателя Литовского государства Миндовга. «Австрийский эпизод» обычно рассматривается в научной литературе как яркий пример широкой внешней политики Даниила Галицкого. Однако данный сюжет всегда был на периферии внимания отечественных историков. Не случайно, что даже в трудах крупных исследователей встречаются следы досадной невнимательности: так, В. Т. Пашуто именует австрийскую династию *Баденбергами* [10, с. 255—256], а Н. Ф. Котляр — *Бабенсбергами*³. В переводе Галицко-Волынской летописи для серии «Памятники литературы Древней Руси»

¹ В последние годы наблюдается рост числа публикаций, посвященных роли династии Бабенбергов в истории Австрии. Актуальной продолжает оставаться работа К. Лехнера, вышедшая первым изданием в 1976 г.: [14].

² Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 124.

³ Там же. С. 25, 244, 281, 287, 306.

Австрия («земля Ракушьска») превратилась в «Рагозу (Дубровник)»⁴. Данные примеры показывают, что участие Даниила Галицкого в войне за «австрийское наследство» продолжает оставаться для отечественных историков интересным, но маргинальным эпизодом.

Между тем обращение к источникам позволяет выявить еще один сюжет из истории Австрии середины XIII в., имеющий прямое отношение к истории Древней Руси. В своем рассказе о битве на реке Лейте, положившей начало всем описанным выше событиям, анналы монастыря Св. Пантелеимона в Кельне приводят интересную деталь: «В этой битве он [герцог Фридрих] сразился с неким королем Руси, которого он убил и от которого получил смертельную рану, от нее он и скончался, прожив еще два дня; его войско победило» («Cum quodam rege Ruscie singulariter in prelio dimicans, ipsum interfecit et ab eodem mortale vulnus accepit, supervivendo duobus diebus; exercitus tamen suus triumphavit»)⁵. В позднейшей австрийской исторической традиции получили распространение различные версии смерти Фридриха Воинственного, в том числе версия его гибели от руки собственных воинов: хроники XIV–XV в. называют даже мотив и имя убийцы [11, с. 15–16]. Эта версия отразилась и в Галицко-Волынской летописи⁶. В таком контексте указание анналов на «короля Руси» переходило в разряд легендарных; вопрос о том, не скрывается ли за этой фигурой какой-нибудь реальный русский князь, не был для австрийской историографии принципиальным. Как правило, австрийские историки ограничивались констатацией, что в войске Бела IV были какие-то русские контингенты, возможно, союзники или подданные венгерского короля. В качестве характерного примера можно привести новейшую обзорную работу Г. Шайбельрайтера, посвященную династии Бабенбергов: трижды упомянув в рассказе о битве на Лейте о гибели герцога Фридриха от руки русских, автор даже не предпринимает попытку идентифицировать «короля Руси» [15, с. 344–345]. Однако игнорировать свидетельство кельнских анналов — официальной имперской хроники — нельзя. Важно отметить, что эта часть хроники была завершена около 1249 г. [11, с. 15], т. е. перед нами свидетельство, наиболее близкое по времени к описываемым событиям. Это делает обоснованной постановку вопроса о поиске исторического прототипа «короля Руси»⁷.

При беглом знакомстве с ситуацией на эту роль лучше всего подходит Даниил Галицкий. Для такого предположения есть некоторые основания: контакты Даниила Галицкого с Фридрихом Воинственным зафиксированы с середины 30-х годов XIII в.⁸, об активном участии галицко-волынского князя в борьбе за «наследство Бабенбергов» говорилось выше. Уже автор Густынской летописи (XVII в.), переосмысливая события, прямо называет имя Даниила: «Беля, король Угорский, имея рать со Фридрихомъ, Ракускимъ княземъ, призва себе Данила въ помощь. Данило же прииде со рускими и татарскими полки, крепко бияшеса со Немци, донеле же победи ихъ и Фридриха уби» (Густынская летопись)⁹. Однако такое решение вопроса не представляется удовлетворительным: в хорошо известной биографии Даниила сложно найти место для участия в этом событии. Кроме того, в «Даниловой версии» не хватает самого главного — прямых указаний источников на участие галицкого князя в битве на Лейте. Трудно представить, чтобы придворная летопись Даниила Галицкого, только что подробно рассказавшая о его триумфе в битве под Ярославом 17 августа 1245 г., а затем красочно описавшая его прибытие по приглашению венгерского короля в Пожонь (Братиславу), когда «немцы же дивящюся оружью татарьскому»¹⁰, не упомянула об участии в столь знаковом событии.

⁴ ПЛДР: XIII век. М., 1981. С. 320–321, 324–325. Прим. С. 590, 592.

⁵ Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover, 1872. Т. XXII. P. 541.

⁶ Галицко-Волынская летопись. С. 124.

⁷ См. сходное мнение А. В. Назаренко: [4, с. 397].

⁸ Галицко-Волынская летопись. С. 105. См. также: [10, с. 217].

⁹ ПСРЛ. СПб., 2003. Т. 40. С. 121.

¹⁰ Галицко-Волынская летопись. С. 122. Датировка данного события остается предметом научной дискуссии (от 1248 до 1252 г.).

Однако отсутствие свидетельств источников не остановило исследователей. Версия об участии Даниила Галицкого в битве на Лейте стала своеобразным историографическим фантомом, который вновь и вновь оживает на страницах исторических сочинений, когда в поле зрения историков попадает упоминание о «короле Руси». Вероятно, определяющую роль в этом играют внеисточниковые основания: монументальный образ Даниила Романовича, созданный его придворным летописцем и безраздельно господствующий в историографии Нового и Новейшего времени, заставляет исследователей связывать с его именем все контакты Юго-Западной Руси с соседними странами. Наиболее подробно «австрийский вектор» внешней политики Даниила Галицкого рассмотрел недавно А. В. Майоров, попытавшийся с привлечением максимально широкого круга источников обосновать возможность участия Даниила в битве на Лейте. Однако для подтверждения своей гипотезы исследователь выстраивает сложную конструкцию, в которой Даниил и Фридрих Бабенберг оказываются связанными родственными узами (в рамках общей гипотезы автора о византийском происхождении матери Даниила) [6, с. 36–37, 42, 44, 48]¹¹. В результате Даниил становится обладателем наследственных прав на Австрийское герцогство, которые признавала австрийская знать и «должен был учитывать император Фридрих II» [6, с. 42]. Эта гипотетическая конструкция едва ли убедительна, кроме того, она не снимает проблему отсутствия свидетельств источников о каком-либо участии Даниила Галицкого в событиях 1246 г. Следует отдать предпочтение устоявшейся в историографии версии событий, согласно которой вмешательство Даниила в австрийские дела произошло после урегулирования отношений с Белой IV, скрепленного династическим браком Льва Даниловича с дочерью венгерского короля Констанцией (1247 г.), и упомянутого выше съезда в Пожони (Братислава) [10, с. 255; 3, с. 67–68].

Необходимо обозначить и другую проблему, связанную с идентификацией «короля Руси» анналов монастыря Св. Пантелеимона. Вопрос о возможном участии в битве на Лейте какого-либо русского князя обычно рассматривается отечественными историками в контексте истории Древней Руси («кто бы это мог быть»), в отрыве от анализа хода самой битвы. Не ставится вопрос, сыграл ли русский князь какую-то роль в сражении, или же просто находился в свите венгерского короля. В последнем случае вопрос о персоналии «короля Руси» не представляется релевантным: средневековый анналист мог записать в участники битвы любого русского союзника Белы IV, но вряд ли это представляет какой-либо интерес для реконструкции исторических событий. Резюмируя, можно сделать вывод, что изучение «русского эпизода» битвы на Лейте зашло в тупик: историки на протяжении более чем 100 лет мельком упоминают о «короле Руси» в качестве исторического курьеза, иногда называют имя Даниила Галицкого или «второго подозреваемого» (см. ниже), но ограничиваются априорными соображениями о возможности участия в битве того или иного русского князя, не подкрепляя свои соображения анализом источников.

Еще М. С. Грушевский назвал имя другого претендента на роль *rex Ruscie* и участника битвы на Лейте: князя Ростислава, сына черниговского князя Михаила Всеволодовича и зятя венгерского короля Белы IV [3, с. 68]. Однако в последующей историографии это предположение не получило развития. Стоит кратко напомнить основные вехи биографии Ростислава. Он родился около 1225 г. (судя по тому, что постриги Ростислава были совершены в 1230 г.¹²) и уже в 1230 г. был оставлен своим отцом править от его имени в Новгороде. С начала 30-х годов XIII в. Михаил Черниговский ведет активную борьбу с Даниилом за Галич, в 1235–1238 г. Михаил, а затем и Ростислав правят в Галиче. Монгольское нашествие на некоторое время прервало борьбу княжеских группировок, но уже в 1241 г. она возобновляется. Следует отметить, что Михаилу и

¹¹ Аргументацию в пользу византийского происхождения матери Даниила Галицкого см.: [7, с. 76–106].

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под. ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 69.

Ростиславу не повезло в историографии: исследователи вынуждены смотреть на них через призму придворной летописи Даниила Галицкого, которая рисует их исключительно в черных тонах (см., например, характерную ремарку: «Ростиславъ же однако не престаеше отъ злоби своей»¹³). Очевидно, тем не менее, что у черниговских князей была достаточно сильная поддержка в среде галицкого боярства: летопись называет в числе сторонников Ростислава галицкого епископа Артемия, «словутного певца» Митусу и «иных галичан»¹⁴. В 1243 г. Ростислав получает в жены Анну, дочь Белы IV. Однако борьба с Даниилом протекала для Ростислава неудачно, и он постепенно утрачивал свои позиции на Руси: сначала прерываются его связи с Черниговской землей (после того как венгерский король и сам Ростислав «чести не сотвориша» Михаилу Всеволодовичу), затем с Галицкой. С венгерской и польской помощью Ростислав совершает в 1245 г. последнюю попытку вернуть себе Галич, но терпит сокрушительное поражение от Даниила в битве под Ярославом 17 августа 1245 г., о которой весьма обстоятельно и живописно рассказывается в Галицко-Волынской летописи.

После битвы под Ярославом Ростислав «выбывает» из русской истории (выбывает настолько решительно, что в некоторых справочных и популярных изданиях 1245 год указывается как год смерти Ростислава). Однако политическая карьера Ростислава не прервалась. Венгерский король дает своему зятю сначала банат Славонии, а затем специально созданный для него банат Мачвы (область между Дунаем, Савой и Дриной [10, с. 238])¹⁵. В 1256 г. Ростислав вмешивается в политическую борьбу в Болгарии и даже провозглашает себя болгарским царем. К этому времени относится и встреча Ростислава («рос Ур») с византийским императором Феодором II Ласкарисом, описанная у Георгия Акрополита¹⁶. В начале 60-х годов XIII в. Ростислав умирает. Как уже говорилось, сформировавшееся в историографии негативное восприятие политических противников Даниила Галицкого привело к тому, что личность и деятельность этого яркого представителя «Ольгова племени» оказалась забытой. Последними крупными работами, посвященными биографии Ростислава Михайловича, являются сочинения Ф. Палацкого и С. Н. Палаузова, вышедшие еще в середине XIX в. [9; 8].

Вернемся к событиям 15 июня 1246 г. Очевидно, что Ростислав мог принимать участие в битве на реке Лейте, и это заставляет внимательнее присмотреться к иным источникам, повествующим об этом сражении. Одно редкое и счастливое обстоятельство дает нам возможность восстановить ход событий: в битве принимал участие штирийский поэт-миннезингер и придворный герцога Фридриха Воинственного — Ульрих фон Лихтенштейн, автор стихотворного романа «Frauendienst» («Служение дамам»). В заключительных строфах этого романа описывается битва на реке Лейте. Ульрих фон Лихтенштейн пишет о судьбе своего сюзерена: «Я расскажу вам коротко, как погиб герцог: отряд русских начал битву... Герцог не заметил их, они напали на него сзади и убили его... Над его телом началась схватка...»¹⁷. По сообщению Лихтенштейна, австрийский герцог погиб в самом начале битвы и его смерть сначала даже не была замечена его воинами.

Возникает вопрос: в какой степени можно доверять свидетельству австрийского поэта, ведь перед нами не историческое повествование, а литературное произведение? Биография

¹³ Галицко-Волынская летопись. С. 112.

¹⁴ Там же. С. 112–113.

¹⁵ В литературе недавно было высказано мнение, что на протяжении большей части XIII в. Мачва не имела статуса баната [2, с. 197–203]. Однако в рамках рассматриваемого сюжета вопрос о титулатуре Ростислава (бан, князь) не является принципиальным.

¹⁶ Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 108–109.

¹⁷ Ulrich's von Liechtenstein Frauendienst / Hrsg. von Reinhold Bechstein. II. Teil. Leipzig, 1888. S. 255–257. Перевод на современный немецкий язык см.: Ulrich von Liechtenstein. Frauendienst / Hrsg. von Viktor Spechtler. Klagenfurt, 2000. S. 576–578.

самого Ульриха фон Лихтенштейна и его близость ко двору Фридриха II довольно хорошо документированы: до нашего времени сохранилось 94 акта с его участием, в некоторых из них он выступает совместно с герцогом Фридрихом (как правило, в качестве свидетеля). В литературоведении Ульрих фон Лихтенштейн известен как новатор жанра — как первый «рассказчик от первого лица» (*Ich-Erzähler*) в истории средневековой немецкой литературы. Роман насыщен историческими реалиями Австрии того времени, в самом тексте исследователи выявили имена более 100 реальных исторических персонажей¹⁸. Личное участие Ульриха фон Лихтенштейна в битве подтверждается конкретными подробностями, которые он приводит. Следует отметить, что русские (*Reuzzen*) появляются в тексте романа только в рассказе о битве, т. е. нет оснований считать, что они использованы в качестве «экзотического украшения» повествования. Последним аргументом в пользу надежности свидетельства Ульриха фон Лихтенштейна служит тот факт, что описание битвы, собственно, не является частью романа «Frauendienst»: перед нами завершающие строки, в которых автор обращается к читателю и сетует на современные ему времена и нравы. Именно в этом контексте Лихтенштейн и говорит о смерти герцога Фридриха, который был покровителем поэта. Все это заставляет с доверием отнестись к рассказу Ульриха фон Лихтенштейна об обстоятельствах битвы на реке Лейте.

Свидетельство кельнских анналов и немецкого стихотворного романа подкрепляется и документальными источниками. 20 ноября 1255 г. король Бела IV совершил пожалование родственникам некоего Андреаса, который в битве против Фридриха Австрийского («нашего злейшего врага») первым бросился в бой и, «по свидетельству Радислава, князя Галиции, нашего любимого зятя» («per Radizlaum, ducem Gallicie, karissimum generum nostrum»), убил немецкого рыцаря [13, с. 314]. Таким образом, свидетельства источников складываются в своеобразную систему доказательств, в которой имеет значение каждое из звеньев:

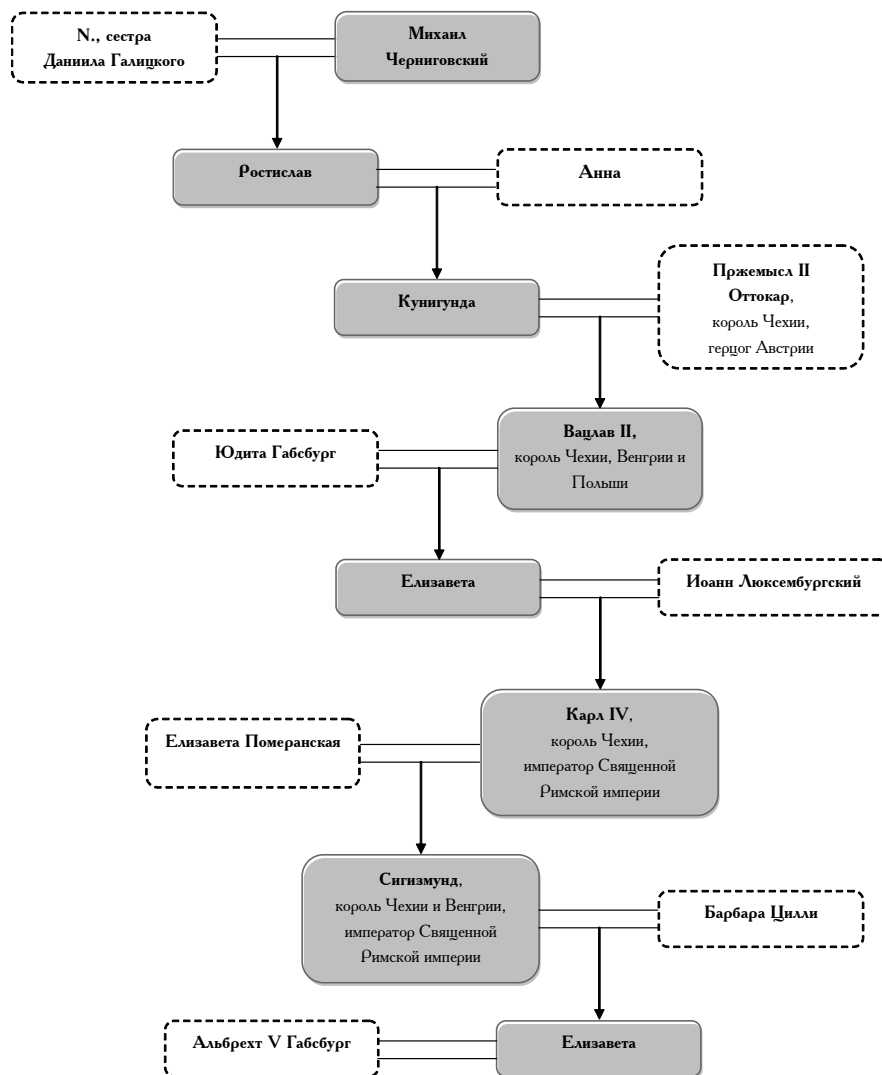
1. сообщение анналов монастыря Св. Пантелеимона, современное событиям, позволяет поставить вопрос об участии в сражении какого-то русского князя;
2. свидетельство Ульриха фон Лихтенштейна, участника битвы, раскрывает роль русского отряда, тем самым переводя упоминание о «короле Руси» в разряд реального исторического события;
3. жалованный акт Бела IV эксплицитно называет Ростислава участником битвы, позволяя именно с ним связать два предыдущих упоминания.

Сопоставление всех этих источников не оставляет сомнений в том, что под «королем Руси» анналов монастыря Св. Пантелеимона скрывается князь Ростислав Михайлович. Следует еще раз подчеркнуть, что имя Ростислава в качестве возможного участника сражения неоднократно называлось в историографии, но только комплексный анализ источников позволяет считать установленным, что князь Ростислав Михайлович принимал участие в битве на реке Лейте 15 июня 1246 г. и, более того, сыграл в ней довольно заметную роль. Вероятно, русский отряд Ростислава находился в авангарде венгерского войска; именно в схватке с русским отрядом в первые минуты битвы и погиб австрийский герцог. Свидетельство анналов монастыря Св. Пантелеимона о гибели при этом и самого «короля Руси» следует, по-видимому, отнести к сфере этикетных представлений средневекового автора: Фридрих Воинственный не мог погибнуть, не победив при этом врага. Интересно отметить, что источники дают нам редкую возможность проследить, так сказать, «личный воинский стиль» князя Ростислава. При описании битвы под Ярославом в 1245 г. летописец неодобрительно рассказывает об «игре» (турнире) под стенами города, устроенной Ростиславом, и его похвальбе: выехать против Даниила даже с немногими воинами. Именно так он и поступил несколько дней спустя: оставил *пеицев* под городом и двинулся на

¹⁸ Подробнее об Ульрихе фон Лихтенштейне, его биографии и литературном наследии в контексте эпохи см.: [12].

Даниила со своей конницей¹⁹. Битву под Ярославом Ростислав проиграл, но аналогичный образ действий принес ему успех год спустя на реке Лейте: свидетелем стремительной кавалерийской атаки, застигшей врасплох австрийское рыцарство, стал Ульрих фон Лихтенштейн. При описании событий 40-х годов XIII в. и роли в них Ростислава Михайловича историки часто забывают, что перед нами очень молодой князь, импульсивность действий которого прочитывается даже через скупые строки летописи.

Следует сказать несколько слов о потомках Ростислава. Его сыновья Бела и Михаил погибли во время борьбы за престол в Венгрии после смерти короля Бела IV в 1270 г. Однако еще в 1261 г. дочь Ростислава Кунигунда (Кунгута) становится женой короля Чехии и герцога Австрии Пржемысла II Оттокара. Потомству от этого брака суждено было породниться с крупнейшими династиями Европы: Габсбургами, Люксембургскими, Виттельсбахами, Валуа, Плантагенетами. Исследование генеалогических связей потомков Ростислава особенно важно, так как, по наблюдениям современных исследователей, многочисленное потомство святого Михаила Черниговского на Руси является в большей степени плодом ученых родословцев XVI–XVII в., нежели отражает реальное происхождение верховских князей²⁰. Объем статьи не позволяет рассмотреть все династические переплетения, поэтому мы ограничимся прямой нисходящей линией потомков Ростислава:

¹⁹ Галицко-Волынская летопись. С. 116–117.

²⁰ См.: [1, с. 63–97].

По странной иронии судьбы именно брак с Елизаветой, единственной дочерью императора Сигизмунда, принес Альбрехту V Габсбургу корону Священной Римской империи и королевские короны Чехии и Венгрии, что заложило основу «дунайской монархии» Габсбургов. Несколько беллетризируя, можно сказать, что Ростислав Михайлович дважды оказал услугу дому Габсбургов: устранил их конкурента и «благословил» короной Империи. Неожданная гибель Фридриха II Бабенберга в битве на Лейте 15 июня 1246 г. открыла дорогу к возвышению династии Габсбургов — и это включает данное локальное событие в широкий общеевропейский контекст.

В завершение хотелось бы поставить вопрос: можно ли в яркой биографии князя Ростислава увидеть какие-то исторические тенденции, имеющие значение и для истории Средневековой Руси? В середине XIII в. неоднократно повторялась ситуация, когда представитель династии Рюриковичей пытался обеспечить себе владение за пределами русских земель. Помимо уже названных выше Ростислава Михайловича и Романа Даниловича, в этом контексте можно назвать Шварна Даниловича, ставшего на некоторое время правителем Литовского государства. Представляется, что это новое явление в политической истории Средневековой Руси: ранее (в XI — первой половине XIII в.) русские князья хоть и неоднократно оказывались за пределами русских княжеств (например, в ссылке в Византии), но при этом не теряли связей с Русской землей и не стремились обосноваться за ее пределами. Кажется, что единственным типологически близким случаем является судьба князя Юрия, сына Андрея Боголюбского, который в конце XII в. вел упорную борьбу за престол Грузии [5, с. 389—421]. Можно высказать осторожное предположение, что в далеко не банальной судьбе князя Ростислава Михайловича отразилась одна из общих тенденций исторического развития восточнославянского региона в середине — второй половине XIII в.: разрушение представлений о неразрывной связи Рюриковичей с Русской землей в условиях общего «кризиса Средневековой Руси» (по терминологии Дж. Феннела) после монгольского нашествия. Данная тема заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература

1. Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI—XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63—97.
2. Гарди Д. Чи Ростислав Михайлович був баном Мачви? // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Від. ред. Микола Литвин. Львів, 2011. С. 197—203.
3. Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1993. Т. III. До року 1340.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003.
5. Еремян С. Т. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Труды Ереванского государственного университета. 1946. Т. 23. С. 389—421.
6. Майоров А. В. Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32—52.
7. Майоров А. В. Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // ДРВМ. 2010. № 1 (39). С. 76—106.
8. Палаузов С. Н. Ростислав Михайлович, русский удельный князь на Дунае в XIII веке. СПб., 1851.
9. Палацкий Ф. О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы Кунгуты, и о роде его. М., 1846.
10. Паушто В. Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
11. Dienst H. Die Schlacht an der Leitha 1246. Wien, 1986.
12. Ich – Ulrich von Liechtenstein. Literatur und Politik im Mittelalter / Hrsg. von F. V. Spechtler, B. Maier. Klagenfurt, 1996.
13. Fejér G. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Budaë, 1829. Tomus IV. Vol. 2.
14. Lechner K. Die Babenberger. Markgrafen und Herzoge von Österreich 976—1246. Wien-Köln-Graz, 1976.
15. Scheibelreiter G. Die Babenberger. Reichfürsten und Landesherren. Wien-Köln-Weimar, 2010.